И. В. Троицкая

ОСОБЕННОСТИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СТРАХОВАНИЯ В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ И В СССР

В статье проводится анализ правового регулирования страхования в сфере предпринимательства в дореволюционной России и в СССР. Автор выделяет особенности нормативной базы, источников и сущности правовых отношений по защите интересов предпринимателей и иных хозяйствующих субъектов в указанный период, прослеживает преемственность в правовом регулировании и сравнивает результаты развития страхового дела в России и зарубежных странах на соответствующих этапах.

Ключевые слова: страхование, предпринимательская деятельность, предпринимательский риск, перестрахование, морское страхование

I. Troitskaya

SPECIFICITY OF LEGAL REGULATION IN THE SPHERE OF ENTREPRENEURSHIP INSURANCE IN THE RUSSIAN EMPIRE AND THE USSR

An analysis of legal regulation in the sphere of entrepreneurship insurance in the Russian Empire and the USSR is presented. The specificity of normative base, sources of law and essence of legal relations in entrepreneurship insurance, traces the succession in legal regulations are described, and a comparison with the development results abroad is made.

Keywords: insurance, entrepreneurship, risk of entrepreneurship, reinsurance, marine insurance.

Страхование играло достаточно важную роль в экономической системе дореволюционной России. Развитие российского страхового дела шло в соответствии с развитием экономики. Обозначившийся в конце XVIII века индустриальный рост способствовал активизации страхового рынка. Потребности в страховании, удовлетворявшиеся ранее за счет действующих через посредников иностранных страховых обществ (преимущественно английских), возросли в несколько раз и привлекли внимание государства.

Продажа страхового полиса иностранного страховщика сопровождалась вывозом денег за рубеж и являлась, по сути, внешнеторговой сделкой. В условиях дефицита государственного бюджета и отрицательного платежного баланса страны было принято решение о введении государственной страховой монополии. Манифест от 28 июня 1786 года стал первым нормативным актом в области страхования в России. В соответствии с ним были учреждены Государственный заемный банк и Страховая экспедиция — первая страховая организации в России. Страховая деятельность государства сводилась фактически к обеспечению кредитов, на страхование принимались лишь каменные дома, принимаемые в залог при осуществлении кредитных операций. Остальные объекты страхования по-прежнему страховались в иностранных страховых обществах, однако по таким договорам в пользу Приказа общественного призрения взыскивались 1,5% от страховой суммы. Таким образом, можно констатировать, что введение государственной страховой монополии носило ярко выраженный фискальный характер.

Круг объектов, подлежащих страхованию, был ограничен. Большая часть имущества, в страховании которого были заинтересованы как помещики, так и купцы, не подлежала страховой защите в рамках существовавшей государственной монополии. Более того, количество и качество предлагаемых услуг не соответствовало уровню развития товарно-денежных отношений и даже оказывало негативное воздействие на их дальнейшее формирование. В этот период страхование не являлось самостоятельной деятельностью специализированных организаций по предоставлению услуг, направленных на защиту имущественных интересов страхователей, а, напротив, было призвано лишь обслуживать кредитные сделки, снижая тем самым риски кредитодателя.

Второй этап развития страхового дела в дореволюционной России связан с появлением акционерных страховых обществ. Государственная монополия доказала свою неэффективность. На рынок стали проникать иностранные страховщики, заполнявшие нишу имущественного страхования. Одновременно с этим банковская система России достигла достаточного уровня развития, появились свободные банковские капиталы, которые и послужили основой для формирования акционерного страхования. Так, в 1827 году возникло «1-е Российское страховое от огня общество», а в 1835 — и «2-е Российское страховое от огня общество», пользовавшиеся всеобщей государственной поддержкой и обладавшие исключительным правом на осуществление страховых операций в течение двадцати лет. По прошествии времени были учреждены еще более десяти крупных акционерных страховых

обществ, в частности, «Саламандра», «Надежда», «Волга».

После крестьянской реформы 1861 года экономика вступила в период бурного роста. Преобладавшее ранее натуральное хозяйство стало вытесняться товарно-денежными отношениями, активно развивалось промышленное производство. Это дало толчок к дальнейшему совершенствованию сложившейся системы страхования. Продолжалось создание новых акционерных страховых обществ, к 1913 году их количество достигло двадцати. Было введено земское страхование, стало действовать взаимное страхование.

Положение «О земском страховании» 1864 года выделяет три вида страхования, осуществляемого губернскими земскими управами: окладное (обязательное), дополнительное и добровольное. Окладному страхованию подлежали строения, принадлежащие крестьянам. Страхователи также могли застраховать их сверх окладных норм на тех же условиях в рамках дополнительного страхования. На добровольное страхование принималось как недвижимое, так и движимое имущество.

Страхование в сфере предпринимательства по-прежнему оставалось крайне неразвитым. Страховая защита интересов производителей товаров и услуг осуществлялась лишь в рамках страхования имущества, являвшегося средством или же результатом производства. Так, страхованием было охвачено около 45% зданий и сооружений заводов и фабрик в городах и около 30% [11, с. 482] строений в сельской местности (включая обязательное страхование). В деревнях в рамках земского страхования также практиковалось страхование скота (фактически являвшегося средством производства), производственного инвентаря и урожая от градобития.

Одновременно с акционерным и земским страхованием развивалось и взаимное страхование. Первое общество взаимного страхования возникло в Риге еще в 1765 году, но настоящее развитие эта форма страхования получила лишь к концу XIX века [13, с. 20]. Общества взаимного страхования занимались в основном страхованием от огня, создавая своей ценовой политикой конкуренцию акционерному страхованию. Они объединялись в союзы с целью обеспечения выплат в случаях крупных убытков, превышающих годовые сборы страховых премий. Именно общества взаимного страхования первыми стали обслуживать интересы крупных фабрикантов, союзов горнопромышленников, землевладельцев, предоставляя услуги по страхованию в рамках их предпринимательской деятельности. В 1903 году с этой целью был учрежден Российский взаимный страховой союз, который просуществовал вплоть до 1917 года.

Единственным исключительно предпринимательским видом страхования в дореволюционной России было морское страхование. Первые положения о морском страховании содержались в Уставе купеческого водоходства 1781 года, который был провозглашен манифестом Екатерины II 23 ноября 1781 г. (Полное собрание законодательства. Т. XXI, № 15285.)

В те годы не существовало российских страховщиков, принимающих на страхование морские риски, поэтому данную сферу полностью обслуживали иностранные страховые общества, в основном германские и английские.

Первые отечественные страховые компании, занимающиеся морским страхованием, появились в Одессе в на-

чале XIX века. Морское страхование регулировалось в основном Уставом торговым, который в 1846 году был дополнен специальными правилами для морского страхования, подготовленными на основании зарубежных установлений, а также непосредственно иностранными законами и полисными условиями, самыми распространенными из которых были так называемые Гамбургские общие правила морского страхования. Они были приняты в Германии в 1867 г. для регулирования сделок по морскому страхованию страховыми обществами на Северном море. Просуществовали до 1919 г., когда были заменены новыми «Общегерманскими правилами морского страхования».

В 70–80-х годах XIX века морским страхованием стали заниматься и крупные акционерные компании по страхованию от огня. Предметом морского страхования могли служить само судно со своими принадлежностями, груз, фрахтовая плата и прибыль от нее, ожидаемая прибыль от товаров, деньги, данные под залог судна и денежный заем под залог корабля (бодмерея). Таким образом, в рамках морского страхования осуществлялась передача страховщику предпринимательских рисков не только в широком смысле (страхование объектов и предметов предпринимательской деятельности), но и в узком (непосредственно страхование ожидаемой прибыли предпринимателя).

С развитием страхового дела стал формироваться и перестраховочный рынок. Практически все страховщики передавали и принимали риски в перестрахование. В основном риски передавались в иностранные страховые общества. Практиковалось также и взаимное перестрахование между российскими компаниями. Договоры перестрахования заключали между собой и земства. В качестве профессиональных перестраховщиков выступали две крупные страховые компании: «Общество Русского перестрахования» и «Помощь», принимающие риски как российских, так и иностранных страховщиков.

Таким образом, к началу XX века в России существовало четыре основных вида страховщиков, предоставляющих услуги по различным видам страхования: земские общества, частные предприятия на основе взаимности (общества взаимного страхования), акционерные общества и иностранные страховщики.

При этом большая часть собранных страховых премий приходилась на долю акционерных компаний (около 65%). Далее следовали земские общества (19%), взаимные страховые общества (около 9%) и иностранные страховые компании (около 7%)*. Такая структура страхового рынка сохранилась вплоть до Октябрьской революции.

К началу XX века страховые общества стали занимать важное место в финансово-экономической системе страны. Однако уровень страхового покрытия по-прежнему был существенно более низким по сравнению с ведущими иностранными государствами. Так, по данным на 1915 год, страхованием было охвачено около 30% стоимости всего имущества в России, тогда как в Германии эта цифра превышала 80% [7, с. 36].

Такое положение дел, на наш взгляд, отчасти объясняется недостаточностью правового регулирования страховой отрасли в российском законодательстве. Так, важнейший документ, регулирующий гражданский оборот, Свод гражданских законов [15, с. 29], отводит определению договора страхования лишь две статьи. В соответствии со статьей 2199 под торговым страхованием по-

нимался договор, в силу которого одно лицо за определенную плату обязывается возместить такой ущерб, какой может понести имущество другого от известной случайности. Под взаимным страхованием понимался договор, в силу которого все контр-агенты обязываются возместить такой ущерб, какой может понести имущество одного из них от известной случайности.

Это определение нельзя признать удачным в силу его неполноты. Невозможно обозначить круг субъектов, которые могли бы выступать в качестве страховщиков и страхователей, нет указания на существенные условия договора, не упоминаются понятия «страховой риск», «страховой интерес», являющиеся необходимыми для правильной интерпретации заключаемого договора.

Таким образом, следует признать, что основной законодательный акт в сфере гражданского права того времени не содержал достаточного набора признаков, позволявших квалифицировать гражданско-правовой договор как договор страхования. Несомненно, это не могло не создавать трудности в гражданском обороте.

Эти трудности могли быть отчасти устранены применением норм права, касающихся вопросов страхования, содержащихся в других источниках. Однако проблема усугублялась еще и тем, что, помимо отрывочности правового регулирования, источники гражданского права, регулирующие страховые отношения, характеризовались большим разнообразием. На этот факт обращали внимание многие как дореволюционные, так и современные цивилисты [16, с. 281–282; 1, с. 240], указывая на неопределенность круга этих источников, а также их иерархии. По своей сути они являлись «вынужденными» источниками права, то есть документами, которые не относились к числу традиционных источников, а становились таковыми лишь в связи со «скудостью законодательных норм» [16, с. 288].

Среди таких источников можно назвать уставы акционерных страховых обществ и полисные правила. Их юридическая сила и значение вызывали постоянные споры в литературе и в судебной практике [2, с. 19]. Однако несмотря на отсутствие согласованной позиции в отношении статуса таких источников, нельзя не признать, что фактически они восполняли пробелы законодательства и делали возможным заключение и исполнение договоров страхования. На практике, в силу особого порядка их принятия, уставы страховых обществ выступали в качестве специальных законов, регулирующих отношения по страхованию, так как в дореволюционной России они утверждались высочайшей властью государя императора [18, с. 279]. Следует также обратить внимание на то, что содержание общегражданских норм, регулирующих конкретные вопросы страхования, повторялось из одного устава в другой. Это дает основания предполагать, что, обладая в силу особого порядка принятия формальными признаками специальных законов, данные уставы фактически выступали способом закрепления действующих в сфере страхования обычаев оборота, первоначально пришедших из иностранной практики, а впоследствии и сформировавшихся в России.

Применение в практике гражданско-правового регулирования норм, содержащихся в уставах страховых обществ и полисных условиях, было связано и с рядом трудностей. Уставы большинства страховых обществ были составлены на основании соответствующих уставов

зарубежных страховщиков, в частности германских и французских. В связи с этим они содержали большое количество норм, являющихся «чужеземными» по отношению к российскому гражданскому и торговому законодательству [10, с. 319].

Возникновение коллизий было неизбежно. Они касались вопросов заключения договоров, их исполнения, порядка разрешения споров, связанных с договорами страхования. В этих условиях вопрос о применимости тех или иных норм и их толкования решался в судебном порядке. Это давало некоторым цивилистам основания причислять судебную практику к источникам страхового права [16, с. 288].

На самом деле, следует признать, что судебные решения выступали в качестве регулятора правовых отношений, возникающих в связи со страхованием, восполняя пробелы в законодательном регулировании и в определенной мере адаптируя для российской действительности того времени нормы иностранного права, широко используемые в уставах страховых компаний и в полисных условиях.

Как уже упоминалось выше, при правовом регулировании страхования нормы иностранного законодательства действовали не только опосредованно через уставы страховых обществ и полисные условия, но и напрямую. Так, статья 561 Устава торгового содержала указание на то, что отношения, возникающие при морском страховании, могут регулироваться нормами иностранного права.

Таким образом, на первом из выделенных этапов развития страхового дела в России в механизме правового регулирования в области страхования были задействованы нормы права, содержащиеся в законах (их меньшинство), а также нормы иностранного права, как имплементированные в уставы российских страховых обществ и их полисные условия (их большинство), так и действующие напрямую. Существенную роль в правовом регулировании страхования играло и юридически значимое поведение субъектов страховых правоотношений, равно как и правоприменительная практика.

Из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что особенность начального этапа формирования страхового рынка в России заключалась в доминировании иностранных норм в том или ином виде над более ранними правовыми установлениями российского гражданского и торгового законодательства, сближение которых происходило в процессе осуществления прав и обязанностей субъектов страховых правоотношений в рамках их правового поведения, а также правоприменения.

Страхование в предпринимательской сфере было представлено лишь в форме морского страхования, соответствующего по большей части уровню развития морского страхования в зарубежных странах, а также в виде страхования имущества, используемого в качестве средства для осуществления предпринимательской деятельности или же являющегося ее результатом. Кроме этого, перестрахование стало рассматриваться не только в качестве механизма обеспечения страховых выплат, но и как способ управления предпринимательскими рисками профессиональных страховщиков.

Начало второго этапа в формировании страхового дела в России следует связывать, на наш взгляд, вопреки распространенному мнению [9, с. 53], не с Октябрьской революцией 1917 года, а с изданием Декрета от 28 ноября 1918 го-

да «Об организации страхового дела в Российской Республике». Непосредственно события октября 1917 года не внесли изменений в деятельность страховых учреждений. Они продолжали свое самостоятельное существование до весны 1918 года [16, с. 282], когда контроль за их деятельностью был возложен на учрежденный с этой целью Совет по делам страхования, после чего система земского и взаимного страхования была передана в ведение новых органов местной власти, но продолжала функционировать в практически неизменном виде. Лишь к концу 1918 года была провозглашен переход на совершенно новый уровень правового регулирования страховой сферы.

Вслед за национализацией банков в государственную собственность было обращено и имущество акционерных страховых обществ. Декретом «Об организации страхового дела в Российской Республике» была введена государственная монополия в области страхования. При этом страховая деятельность государства, по сути, была прекращена практически сразу после издания упомянутого выше декрета. Экономическая нестабильность, вызванная гражданской войной и последствиями смены экономического режима, и высокий уровень инфляции сделали невозможным нормальное функционирование страховой системы. Государство было не в состоянии обеспечить страховые выплаты. В результате этого личное страхование было отменено полностью [5, с. 542], а имущественное страхование было заменено институтом государственной помощи, оказываемой пострадавшим хозяйствам в натуральном виде [4, с. 538]. Последнее в определенной степени можно считать возвратом к начальным стадиям зарождения страхования — осознания потребности в защите имущественных интересов, но отсутствия достаточных условий для формирования полноценной страховой системы. На ранних этапах развития страхования среди таких условий, в частности, можно было выделить неразвитость товарно-денежных отношений. По прошествии нескольких тысяч лет советское государство столкнулось со схожей ситуацией, препятствующей обеспечению именно страховой защиты.

Тем не менее, ресурсы государства, испытывающего, к тому же, экономические трудности, были не достаточны для дальнейшего поддержания института безвозмездной помощи в натуре. Выходом из такой ситуации было возвращение к системе аккумуляции денежных средств посредством страхования. Таким образом, естественный путь преобразования натуральной помощи в страховую защиту, длившийся исторически несколько сотен лет, занял в РСФСР всего два года, отчасти потому, что был пройден повторно.

Восстановление института страхования в России было ознаменовано изданием Декрета СНК РСФСР «О государственном имущественном страховании» от 6 октября 1921 г. (СУ РСФСР, 1921, № 69, ст. 554). Этим декретом предусматривалось, прежде всего, добровольное страхование хозяйств от стихийных бедствий. Осуществление страхования было возложено на Главное управление Госстраха в системе Народного комиссариата финансов. Вскоре, однако, государственное страхование получило некоторую самостоятельность в связи с преобразованием Госстраха в систему страховых органов на местах и перевода их на хозяйственный расчет [6, с. 536].

Основополагающие нормы о страховании содержались в Гражданском ко-

дексе РСФСР, принятом в 1922 г. В рамках этого документа нашло отражение большое количество правовых норм, содержавшихся в уставах страховых организаций и их полисных условиях, а также выявленных дореволюционной судебной практикой. На последнее справедливо указывают Н. С. Ковалевская и М. А. Ковалевский, отмечая преемственность между коммерческим страховым законодательством дореволюционной России и советским страховым законодательством [8, с. 9]. Гражданский кодекс 1922 года был ориентирован на введение нэпа и поэтому исходил из наличия многоукладной экономики и товарно-денежных отношений. Однако время существования Новой экономической политики было значительно короче времени действия Гражданского Кодекса. Так, прогрессивные по своей сути нормы, касающиеся страхования, оказались недействующими. Фактически они были заменены нормами, содержащимися в утверждаемых Министерством финансов СССР правилах и инструкциях по отдельным видам страхования.

Такой метод правового регулирования сферы страхования можно признать вполне соответствующим реалиям того времени. Активно внедрявшаяся в экономику плановость заставляла, как ни парадоксально это может показаться, искать более эффективные методы развития некоторых хозяйственных областей, в частности страхования. Страхование должно было быть самоокупаемым, следовательно, функционировать с максимально возможной результативностью. С этой целью для Госстраха разрабатывался план по сбору страховых платежей, в соответствии с которым суммы поступлений от страхователей превышали суммы выплат по страховым случаям**. Конечно, при отсутствии полноценных рыночных механизмов такая прибыльность имела в большей степени финансово-учетное, нежели коммерческое значение. Однако несмотря на это, сама необходимость достижения безубыточности страховой деятельности позволяет говорить о сохранении в советский период сущностного понимания страхования как экономической и правовой категории, а не превращения ее в принятие государством обязательных мер по обеспечению компенсационных действий.

Природа страхования, его экономическая сущность, требовали от государства создания некоторых условий хозяйствования, присущих скорее рыночной экономике. Несмотря на утверждение известного советского теоретика страхового права В. К. Райхера о том, что «страхование в капиталистических странах является коммерческим предприятием, страхование в СССР — социалистическое мероприятие» [14, с. 176], страховая система объективно не могла функционировать без элементов коммерции.

Так, целям эффективности страховой деятельности служил целый ряд методов, санкционированных государством. Среди таковых, безусловно, не последнюю роль занимало и правовое регулирование страхования. Государство осознавало, что для достижения поставленных задач в области страхования эта сфера должна регулироваться нормами, соответствующими природе страховых отношений, а также, что немаловажно, сложившейся практикой. В связи с этим интересно выглядит суждение Н. С. Ковалевской и М. А. Ковалевского о том, что действовавшие в СССР условия и правила страхования можно считать правовыми обычаями, выявленными Министерством финансов СССР, утверждавшим эти правила [8, с. 10].

Таким образом, государственный орган не просто произвольно вводил какие-либо правила страхования, а «обнаруживал и закреплял в своем акте именно те нормы, которые учитывают, в частности, и предыдущий опыт, и представления о справедливости не только данного органа, но и потенциальных страхователей» [8, с. 10]. С этим мнением сложно не согласиться, ведь именно такой подход мог обеспечить требовавшееся выполнение плана по сбору платежей в сфере добровольного страхования.

Советское государство последовательно придерживалось этого принципа. Так, в Гражданском кодексе РСФСР 1964 года число статей, регулирующих страхование, было существенно сокращено: вместо многочисленных фактически не действующих норм кодекса 1922 года новый Гражданский кодекс содержал всего три статьи, касающихся регулирования гражданских отношений в сфере страхования.

В рамках рассмотрения особенностей правового регулирования страховой сферы в Советском Союзе нельзя не обратить внимание на провозглашенную государственную монополию страховой деятельности. Однако анализ действующего тогда законодательства позволяет нам сделать вывод о том, что монополизм государства в страховой отрасли был не так однозначен. Так, самый первый декрет советской власти, регулирующий страховую сферу, содержал ссылку на изъятие из государственной страховой монополии для кооперативных организаций, осуществлявших взаимное страхование имущества и товаров [3, с. 904]. Это исключение было подтверждено и в Положении о государственном страховании в СССР 1925 года***. Кооперативные страховые организации были ликвидированы лишь в 1930 году [12, с. 414]. В период своего существования кооперативные страховые организации фактически продолжали деятельность частных организаций взаимного страхования, функционировавших в дореволюционной России, занимаясь страхованием имущества, являющегося объектом производства, в первую очередь сельскохозяйственного, а также результатов этого производства — товаров.

Характерно то, что на протяжении всего советского периода изъятия из государственной монополии в той или иной степени можно связать с интересующим нас предпринимательским страхованием. Несомненно, говорить о признании в СССР возможности осуществления коммерческого страхования нельзя, так как это бы автоматически повлекло за собой необходимость признания допустимости предпринимательской деятельности. Однако фактически коммерческое страхование продолжало существовать и даже развиваться, естественно, в ограниченных формах и объемах. Экономическая система как сложный механизм продолжала функционировать по своим внутренним законам, изобретая все новые формы существования необходимых для нее инструментов и приводя в конечном итоге к закреплению тем или иным способом соответствующих норм в практике правового регулирования.

До середины 30-х годов XX века в нормативных актах даже встречалось понятие «нормального производственно-хозяйственного риска» (см., например, п. 7 Постановления ЦИК и СНК СССР от 12 июня 1929 г. «Об имущественной ответственности рабочих и служащих за ущерб, причиненный ими нанимателям». СЗ СССР 1929 г. N 42,

ст. 367), которое по своей сути было схоже с современным пониманием предпринимательского риска и ограничивало ответственность работников перед нанимателями, перекладывая убытки, причиненные в связи с обычной деятельностью предприятия, на хозяйствующий субъект (и орган государственного страхования). Это фактически означало признание осуществления хозяйственной деятельности на свой риск. Однако после этого категория «риск» была объявлена буржуазным понятием, чужеродным новому экономическому строю. Теория пошла по пути совершенствования методов планирования и управления экономикой с помощью административно-командных механизмов, пытаясь полностью исключить неопределенность, следовательно, и всяческий риск из экономических отношений.

Несмотря на это, необходимо признать, что как бы прогрессивны ни были эти попытки, прийти к всецело предсказуемой системе хозяйствования невозможно, и вряд ли когда-нибудь будет возможно. Неопределенность факторов внешней среды, влияющих на хозяйственную деятельность, не может быть сведена к нулю даже при советских плановых методах в экономике. Так, стихийные бедствия вызывают разрушения производственных мощностей и иных инструментов хозяйствования, но в рамках советской страховой системы возмещались только реальные убытки, то есть ущерб, нанесенный непосредственно имуществу. Все иные убытки, связанные, в частности, с вынужденным простоем предприятий, покрывались хозяйствующими субъектами самостоятельно. Представляется, что эффективность деятельности оценивалась не с точки зрения финансово-экономических показателей, таких как, например, прибыльность или рентабельность, как это делается в наше время, а в соответствии с выполнением экономического плана в масштабах всей страны. В связи с этим сложно говорить о потере организациями прибыли в современном финансовом понимании этого слова. Однако определенные неблагоприятные последствия наступали для них из-за невыполнения плана за время простоя. Исключительно денежное возмещение убытков в таком случае было нецелесообразно, поэтому в данной сфере развитие непосредственно коммерческого страхования зашло в тупик.

Совсем по-другому складывалась ситуация в традиционно коммерческой отрасли страхования — в морском страховании. Здесь находит свое подтверждение наш тезис о прямой зависимости практики правового регулирования страховых отношений от их экономической сущности. Испокон веков морское страхование служило целям уменьшения рисков имущественных и финансовых потерь судовладельцев и иных заинтересованных лиц. Особенностью морского страхования всегда являлось то, что страхованию подлежали риски, связанные не только с судном (каско) или грузом (карго), но и риски неполучения фрахта, причитающегося за предоставление судна или перевозку груза, а также ожидаемой прибыли или комиссии. Исключение каких-либо видов страховой защиты из морского страхования сделало бы такое страхование лишенным экономического смысла для заинтересованных лиц.

Многие исторически сложившиеся нормы обычного морского права нашли свое отражение и в первом советском Кодексе торгового мореплавания 1929 года, а впоследствии практически без изменений были перенесены в Кодекс

торгового мореплавания СССР 1968 года. Более того, большинство норм этих кодексов в силу прямого указания являлись диспозитивными, позволяя тем самым сторонам использовать в регулировании своих отношений общепринятые в мировой практике условия, в том числе и не вошедшие в текст законодательных актов.

В силу международного характера морских перевозок, сторонами в отношениях по морскому страхованию довольно часто выступали иностранные субъекты. Это требовало особого подхода к правовому регулированию страховых правоотношений в этой сфере. Так, специально для осуществления морского страхования на базе Управления иностранных операций Госстраха в 1947 году был создан Ингосстрах [17, с. 24–25]. Более того, в 1973 году ему был предоставлен статус акционерного общества, среди акционеров которого были не только Министерство финансов СССР, но и ВАО «Интурист», Центросоюз. С этого момента формально государственная монополия на страховую деятельность была прекращена, так как не все акции Ингосстраха остались в собственности государства. Структура, занимавшаяся страхованием рисков, связанных с внешнеэкономической деятельностью, стала близкой к аналогичным организациям, действующим за рубежом, и перестала пользоваться иммунитетом, предоставляемым государству в отношениях, регулируемых международным частным правом.

Тем не менее, на внутреннем рынке государственная монополия продолжала существовать. Кодексы торгового мореплавания предусматривали возможность страхования «ожидаемой прибыли» (ст. 213 КТМ СССР 1968 года), используя современные термины «риск неполучения ожидаемых доходов» (подпункт 3 пункта 2 статьи 929 ГК РФ). Однако включение условия о покрытии страховщиком рисков неполучения прибыли оставалось на усмотрении сторон и осуществлялось в основном при международных морских перевозках. На внутреннем рынке пароходства, выступающие от имени государства в качестве судовладельцев, использовали этот вид страхования нечасто, что все-таки не позволяет делать вывод о полном отсутствии элементов предпринимательского страхования в государстве с провозглашенным отрицанием предпринимательской деятельности как таковой.

Перестрахование в СССР также не было полностью забыто. Положение «О государственном страховании в СССР» уполномочивало Госстрах заключать договоры перестрахования своих рисков по всем видам страхования кроме обязательного окладного. Исходя из обсуждавшегося выше факта обязательного превышения сборов страховых премий над страховыми выплатами органами государственного страхования, можно сделать вывод о том, что перестрахование и в советское время рассматривалось как инструмент страхования ожидаемой прибыли. Неудивительно, что по утверждению руководителей государственных страховых органов «получение прибыли, как самоцель, не является задачей Госстраха. Излишки, получаемые в результате того или иного благоприятного года в кассе Госстраха, не дивиденд, подлежащий выдаче акционерам» (цит. по: [16, с. 302]). И действительно, доходы, остававшиеся в распоряжении Госстраха после осуществления всех страховых выплат, направлялись на организацию мероприятий по предотвращению пожаров, эпизоотий и прочих стихийных бедствий. Все это, тем не

менее, не мешает рассматривать осуществление государственного страхования как способ получения дополнительных доходов государства, пусть и направляемого на общественно полезные нужды.

Таким образом, перестрахование в СССР можно отнести к страхованию риска неполучения дохода от страховой деятельности. Формально эта деятельность не является предпринимательской в связи с отрицанием таковой советской правовой системой, но фактически очень схожа с ней по направленности и целям.

Перестрахованию подлежали также и риски кооперативных страховых организаций в период их существования (ст. 4 Положения о государственном страховании в СССР от 18 сентября 1925 г.). Излишки, возникающие при осуществлении деятельности кооперативными страховыми организациями, не изымались в государственную казну и оставались в распоряжении этих организаций, обслуживающих интересы кооперативов, занимавшихся производственной или сельскохозяйственной деятельностью. Таким образом, можно констатировать, что фактически здесь мы тоже имеем дело с определенной прибылью, риск неполучения которой и страховался в Главном правлении Госстраха в рамках перестрахования.

Итак, среди особенностей правового регулирования страхования в советский период можно выделить определенную степень диспозитивности законодательно устанавливаемых государством норм. Гражданский кодекс, будучи основным гражданско-правовым законодательным актом, содержал лишь общие статьи, касающиеся страхования. Такой подход предоставлял участникам страховых правоотношений возможность выявлять правовые нормы, наиболее подходящие для регулирования этих отношений. Результатом подобной деятельности были утверждаемые органами государственной власти правила страхования по отдельным видам. Такие правила отличались более легкой процедурой принятия, позволяя своевременно вносить необходимые изменения в регулирующие страховые отношения нормы, делая всю страховую систему более гибкой и адекватной экономической действительности страны.

Второй особенностью правового регулирования страховой сферы в советский период была зависимость подлежащих применению норм от субъекта регулируемого страхового правоотношения. Наблюдалось существенное различие между нормами, регулирующими отношения страховых органов и страхователей, являющихся советскими гражданами или юридическими лицами, и иностранных страхователей. Это объяснялось значительной разницей между экономическими системами СССР и большинства зарубежных стран, делающей невозможным применение аналогичных советским норм на международном страховом рынке. Для осуществления деятельности по страхованию внешнеэкономических рисков, а также для заключения сделок по страхованию с участием иностранного элемента была создана самостоятельная организация — Ингосстрах.

Таким образом, в СССР при регулировании страховой сферы, хотя и в ограниченном объеме, применялись нормы международного частного права, а также некоторые нормы иностранных государств. Это оказывало влияние и на нормы внутреннего права, которые испытывали воздействие иностранного страхового права в той степени, в кото-

рой последнее было возможно в условиях советской правовой системы. Все это позволяет утверждать, что советское страхование не было полностью изолировано от влияния зарубежного права. Советская наука и практика были знакомы с методами правового регулирования, применявшимися за границей, что, в свою очередь, приводило к проникновению некоторых элементов международной страховой деятельности и в советское внутреннее право.

Традиционно наибольшее сходство с общепринятыми международными страховыми нормами имели нормы, регулирующие морское страхование. Именно в этой сфере развитие страхования шло одновременно с развитием соответствующей области страховой деятельности по всему миру.

Так, третьей особенностью правового регулирования страхования в советский период было практически полное соответствие норм права, регулирующих морское страхование, аналогичным международным нормам, а также диспозитивный характер этих норм, предоставлявший сторонам возможность широко использовать сложившиеся в морской практике обычаи.

В качестве четвертой особенности можно выделить наличие элементов страхования предпринимательского риска в современном понимании, несмотря на полный отказ советского государства от «буржуазной категории» предпринимательства как такового. Эти элементы прослеживаются в страховании ожидаемой прибыли при морском страховании и в отношениях по перестрахованию, широко распространенных в рассматриваемый период. К другим существовавшим в этот период формам страхования в сфере предпринимательства можно условно отнести обязательное или добровольное страхование имущества производственных предприятий, в том числе сельскохозяйственных, а также страхования результатов этой деятельности — произведенной продукции и урожая.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Рассчитано на основании данных за 1913 год, приведенных в книге: *Журавин С. Г.* Краткий курс истории страхования. М.: Анкил, 2005. С. 35.

** См. ст. 29 Типового положения об органах государственного страхования в союзных республиках, утвержденного постановлением Совета Министров СССР от 25 октября 1958 г. СП СССР, 1958, №17.

*** Утверждено Постановлением ЦИК и СНК СССР от 18 сентября 1925 г. СЗ СССР, 1925. № 73, ст. 537.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аленичев В. В.* Страховое законодательство России. Зарождение, становление и развитие страхового дела X–XX вв. М.: ЮКИС, 1999.
2. *Гойхбарг А. Г.* Источники договорного страхового права. СПб.: Типография тов-ва «Общественная Польза», 1914.
3. Декрет «Об организации страхового дела в Российской Республике» // СУ РСФСР, 1918. № 86, ст. 904.
4. Декрет СНК РСФСР от 18 декабря 1920 г. // СУ РСФСР, 1920, № 100, ст. 538.
5. Декрет СНК РСФСР от 18 ноября 1919 г. // СУ РСФСР, 1919, № 56, ст. 542.
6. Декрет СНК РСФСР от 6 июля 1922 г. // СУ РСФСР, 1922, № 44, ст. 536.

7. *Журавин С. Г.* Краткий курс истории страхования. М.: Анкил, 2005.
8. *Ковалевская Н. С., Ковалевский М. А.* Развитие коммерческого страхового законодательства в России: период империи, советский период и период начала постсоветских рыночных реформ // Страховое право. 2002. № 4.
9. *Корнилова Н. В.* К вопросу о правовом регулировании страховой деятельности в России // Правоведение. 1999. № 4.
10. *Мейер Д. И.* Русское гражданское право (по изданию 1902 г.) М.: Статут, 1997. Ч. 2.
11. *Победоносцев К. П.* Курс гражданского права. М.: Зерцало, 2003. Т. 3.
12. Постановление ЦИК и СНК СССР от 22 июля 1930 г. «О ликвидации кооперативного гарантийного страхования» // СЗ СССР, 1930. № 38, ст. 414.
13. *Потоцкий В. М.* Краткий популярный курс страхования. М.: Изд. Главного правления государственного страхования, 1924.
14. *Райхер В. К.* Общественно-исторические типы страхования. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1947.
15. Свод Законов Российской Империи. Ч. 1. Том X. «Законы Гражданские». СПб.: Типография Второго отделения Собственной его императорского величества Канцелярии, 1871.
16. *Серебровский В. И.* Очерки советского страхового права // Избранные труды по наследственному и страховому праву. М.: Статут, 2003.
17. *Сухов В. А.* Страховой рынок России. М.: Анкил, 1992. Т. 1.
18. *Шершеневич Г. Ф.* Учебник торгового права (/по изданию 1914 г.). М.: Спарк, 1994.

REFERENCES

1. *Alenichev V. V.* Strahovoe zakonodatel'stvo Rossii. Zarozhdenie, stanovlenie i razvitie strahovogo dela X–XX vv. M.: JUKIS, 1999.
2. *Gojhbarg A. G.* Istochniki dogovornogo strahovogo prava. SPb.: Tipografija tov-va «Obwestvennaja Pol'za», 1914.
3. Dekret «Ob organizacii strahovogo dela v Rossijskoj Respublike» // SU RSFSR, 1918. № 86, st. 904.
4. Dekret SNK RSFSR ot 18 dekabrja 1920 g. // SU RSFSR, 1920, № 100, st. 538.
5. Dekret SNK RSFSR ot 18 nojabrja 1919 g. // SU RSFSR, 1919, № 56, st. 542.
6. Dekret SNK RSFSR ot 6 ijulja 1922 g. // SU RSFSR, 1922, № 44, st. 536.
7. *Zhuravin S. G.* Kratkij kurs istorii strahovanija. M.: Ankil, 2005.
8. *Kovalevskaja N. S., Kovalevskij M. A.* Razvitie kommercheskogo strahovogo zakonodatel'stva v Rossii: period imperii, sovetskij period i period nachala postsovetskih rynochnyh reform // Strahovoe pravo. 2002. № 4.
9. *Kornilova N. V.* K voprosu o pravovom regulirovanii strahovoj dejatel'nosti v Rossii // Pravovedenie. 1999. № 4.
10. *Mejer D. I.* Russkoe grazhdanskoe pravo (po izdaniju 1902 g.) M.: Statut, 1997. CH. 2.
11. *Pobedonoscev K. P.* Kurs grazhdanskogo prava. M.: Zercalo, 2003. T. 3.
12. Postanovlenie CIK i SNK SSSR ot 22 ijulja 1930 g. «O likvidacii kooperativnogo garantijnogo strahovanija» // SZ SSSR, 1930. № 38, st. 414.
13. *Potockij V. M.* Kratkij populjarnyj kurs strahovanija. M.: Izd. Glavnogo pravlenija gosudarstvennogo strahovanija, 1924.
14. *Rajher V. K.* Obschestvenno-istoricheskie tipy strahovanija. M., L.: Izd-vo AN SSSR, 1947.
15. Svod Zakonov Rossijskoj Imperii. Ch. 1. Tom X. «Zakony Grazhdanskie». SPb.: Tipografija Vtorogo otdelenija Sobstvennoj ego imperatorskogo velichestva Kanceljarii, 1871.
16. *Serebrovskij V. I.* Ocherki sovetskogo strahovogo prava // Izbrannye trudy po nasledstvennomu i strahovomu pravu. M.: Statut, 2003.
17. *Suhov V. A.* Strahovoj rynok Rossii. M.: Ankil, 1992. T. 1.
18. *Shershenevich G. F.* Uchebnik torgovogo prava /po izdaniju 1914 g. M.: Spark, 1994.